

То лето я и младший брат провели у Бабы Мани, в отцовской деревне – Медведчиково, а родители – дома, в Якутии. В нашем распоряжении был огород. Немцы, Белые, Псы рыцари – все побывали там! Кое-где картошка была уже подкопана, и в этих окопах мы держали оборону особенно упорно, до ужина, и не одна вражина не прорвалась к Московскому тракту! К сентябрю зарядили дожди, и Бабушка купила мне резиновые сапоги, антрацитово блестящие, будто лакированные, настоящие – гусарские. Я скакал по избе, рубил шашкой, оставляя каблуками длинные угольные отметины.

В сентябре пошли в школу – в первый и третий класс. Через неделю приехала мама, автобусы не ходили, и до станции Анжеро-Судженск надо было добираться своим ходом, 50-60 километров.

Мама пошла добывать транспорт, но «в самом разгаре страда деревенская», не то что машина, лошадёнка плохонькая – уже удача. ...Погрузились на телегу. Возница – мужчина средних лет, одетый по деревенской моде второй половины 20-го века – телогрейка, кирзачи, бумажные штаны, – тронул вожжи. «Ну, Маня!», и телега, переваливаясь, неспешно покатила. «Володичка» – так странно его называли взрослые. Дед, в первый мамин приезд, услышав, что зовут её – Ниночка, рассмеялся: «Ниночка?! Ха! У нас так деревенскую дурочку кличут», вот такая, она, сибирская грамматика. А Володичка рассказывал: «Я завсегда при лошадях: самый «мыслемый» и понимающий народ. Мы с Маней в Анжерку ездили, и она дорогу знает, память у них, не чета людской – всё помнят, а люди только плохое! Бывает, вечером начнёшь мыслями блуждать, а Маня и затемно дорогу найдёт! Я не абы как, я в школы ходил, учительша меня привечала: «Володичка самый нужный ученик, дрова возле печки всегда есть!». Я и со школы когда ушёл (а кто за меня работать будет), и дрова – учительше, и воду, и огород.

Мы с братом сидели на телеге, болтали ногами. Если колесо наезжало на лужу, на сапоги запрыгивали капельки, но они не задерживались, надо только было ударить ногу об ногу. Солнышко радостно улыбалось, глядя в мои сапоги! Брат мне завидовал, у него были ботинки, а всякий понимающий в жизни человек – солдат, топограф (отец был топограф, ох, как он под старость из-за этой резины мучился) – знает: между ними семимильная разница. Володичка разрешал подержаться за вожжи и даже управлять. Маня воспринимала это как шутку и, подыгрывая, театрально прибавляла шаг. Впрочем, ненадолго: «Дети, что с них возьмёшь». Временами, чтобы спасти Чапаева, я садился за пулемёт, брат поправлял ленту, (на наше счастье Володичка был запасливый), и Маня выносила нашу тачанку из-под носа у белых! Мы пересаживались на облучок к Володичке, и он продолжал: «Я опосля войны в Томское ездил! Нет, не на лошади, по «железке», с лошадьёю в такие вагоны нельзя. В войну можно было, я и в Анжерке видел, и кино смотрел. Сейчас нельзя, лошадь лучше, чем паровоз, тот только по своим рельсам горазд, а Маня куда хошь, да у неё своя «железка» на копытах! На уши посмотри, всё понимает! Мы вместе уж сколько годов, меня в Томское когда привезли, то в «коемкомате» порешили: «В ар-

мии без надобности, война закончилась, а кто при лошадях будет? Конечно, сякие империалисты войну зажигают, но лошадей не всяк понимает!» С тех пор дальше Анжерки не ездил».

Неожиданно налетели «фашисты», но и на их шеи нашлась зенитка, сбили по паре «Юнкерсов» на брата и «Мессер» за Володичку.

Солнце заканчивало искать горизонт, ветерок срывал зазевавшиеся листики, и самые шустрые пытались присесть на телегу. Думал написать: «В небе тянулись караваны гусей», но никаких караванов, отрядов, косяков ни в небе, ни на дороге не было, и машины давно не попадались. А поля тянулись бесконечные, однообразные, и только скирды да отдалённый зуд трактора напоминал, что кроме нас на Земле есть люди. Стало смеркаться, и пустое небо задышало холодом, в низинках сыро собирался туман. Мама уже давно беспокойно глядывалась в поля, Володичка ещё раз, но уже не уверенно, произнёс: «Маня дорогу знает». Наконец разглядели костёр, подъехали, мама пошла к людям: «Далеко ли до Анжерки?». Те угрюмо, невесело рассмеялись: «Вёрст сорок! Вы, может, и ехали в Анжерку, да лошадь-то всегда в конюшню идёт». В течение дня мы съели всё, что нам собрала Баба Маня, но удивительно, как же могло кончиться, ведь собирала Бабушка? Не менее удивительно, что люди и не думали приглашать к костру! Мама и Баба Оня учили: «Коленька – знакомый, незнакомый – сначала накорми», да у нас постоянно кто-нибудь гостил месяцами (полторы комнатёнки на пятерых). Понятно, что у них свои бабушки, но не до такой же степени?! Но всё-таки, всё-таки, эти хмурые люди позвали к столу, была яишенка со шкварками. Володичку так и не пригласили. Единственное, чем угостили – привычные насмешки: «Да, люди не лошади».

Володичка распряг Маню, чтобы отдохнула, покормилась, и о чём-то с ней говорил, но не ругал, а жаловался, не знаю, просила ли Маня прощенья? Мама тайком положила на ломтик хлеба яишенку, и я незаметно отнёс Володичке, он половину кусочка вернул мне, показав на Маню. Я на раскрытой ладони боязливо протянул его, Маня, улыбаясь, ласково взяла и тихо-тихо поблагодарила. Мама с братом выдёргивали солому из стога, готовили пещерку, так всегда ночевали наши партизаны, никакой мороз не страшен. Сено колосось, гусарские сапоги холодили ноги, мама помогла стянуть их. Брат ждал, сейчас его очередь, но мама не позволила: «Папка тебе с «поля» болотные сапоги обещал привезти». – «А мне?» – спросил я. Болотные, это же как мушкетёрские, куда до них гусарским. «Тебе, – мама задумалась, – бивень мамонта!». (И привёз, правда, не в этот полевой сезон.) Маня где-то недалеко собирала сено, и было очень спокойно, как у Бабы Они под боком.

Утром, по ломкому инею, на пустой желудок, мы двинулись в Анжерку, Володичка виновато молчал. Я, потомок крестьян-ямщиков, никогда после не ночевал в стогу, чтобы мне на ночь шептала на ухо лошадь.

Уже много после я узнал дальнейшую их судьбу. Со временем Володичка совсем «заблудился мыслями», Маня давно уже нашла дорогу в «ту конюшню», на Земле от неё осталась ременная упряжь, что шорник нарезал из шкуры.

А Володичка всё забыл, в декабрьский вечер он вышел из избы, несколько суток выла вьюга, где-то в полях заржала Маня: «Ох, до темна не успеет!» Нашли его через неделю в стогу сена, в руке застыла уздечка, в кармане разломанная пополам краюха.